

Солженицын Александр

29.05.98

... с Олегом Давыдовым («Фигуры и лица», 16.05.98)

Юрий Буртн

ОСНОВНАЯ мысль огромной, по газетным меркам, статьи Олега Давыдова «Демон Солженицына» состоит в том, что на протяжении всей жизни писателя им руководил некий демон, неустанно побуждавший его жить по принципу: чем хуже, тем лучше, вследствие чего автор «Архипелага ГУЛАГ» как бы нарочно накликал на свою голову (а заодно и на других – не жалко) всякого рода опасности и страдания. Основной пафос – развенчание этого демона, а тем самым и того, в чьей душе он гнездился. Основной исследовательский метод – кропотливый подбор и склеивание подходящих фактов и фактиков биографии Солженицына (иногда с опорой на весьма сомнительные источники) и, наоборот, отсевание всего, что могло бы усложнить решение осудительной задачи, в том числе почти всего его художественного и публицистического творчества.

Не собираясь подробно комментировать это столь же тенденциозное, сколь и мелочное сочинение, любопытное, главным образом, как один из манифестов современного конформистского умонастроения, ограничусь однозначным мотивом.

Олег Давыдов пускает много полемических стрел в Солженицына как автора книги «Бодался теленок с дубом». Должен сказать, что со многим в этой книге я категорически не согласен. Мне представляется крайне односторонним, эгоцентрически узким выражение здесь понимание общественного процесса 60-х гг., роли и ценности «Нового мира», масштабов личности, таланта и судьбы Твардовского, чей жизненный и творческий подвиг вполне соизмерим с солженицынским. Для меня очевидна несправедливость и поверхностность уничижительных характеристик, розданных автором большинству членов редколлегии журнала, каждого из которых я с близкого расстояния наблюдал в течение ряда лет. Чрезвычайно

В этой связи особое внимание Олег Давыдов уделяет событиям середины десятилетия – периоду, когда в душе Солженицына шла особенно острая борьба между желанием жить нормальной жизнью советского писателя и наущениями демона, толкавшего его к немотивированной фронде и к «ставке на Запад». Принимая эти хронологические рамки, позволю себе без особых комментариев процитировать несколько документов, относящихся именно к указанному периоду в жизни обласканного властями писателя, но не нашедших места в статье – то ли потому, что они не ложились в демоническую схему, то ли просто по неосведомленности.

31 октября 1963 г. (ровно через год после того, как Твардовский убедил Хрущева прочесть «Один день Ивана Денисовича», а тот

1998, - 29 мая. - с. 7

богатая в автобиографическом плане, книга Солженицына, на мой взгляд, лишь в малой степени оправдывает свой подзаголовок «Очерки литературной жизни». Но тот образ литературной жизни 60-х, который в противовес Солженицыну рисует Олег Давыдов, неизмеримо дальше от действительности.

Суть его: положение литературы, хоть и под контролем «бездарных чиновников», было более или менее сносно, положение самого Солженицына – после того, как его похвалил Хрущев, – тем более. Кажется, чего бы еще и желать человеку? Но демон, сидевший в нем, не позволял ему спокойно делать свое писательское дело, заставляя переть на рожон. «Тут трагедия: человек, обласканный гнусной властью, хочет, чтобы эта власть (хотя бы и поменявшаяся на еще более гнусную) продолжала его ласкать, но под воздействием своего внутреннего демона вынужден совершать поступки, которые власть раздражают.» Не правда ли, немножко жалко становится «гнусную власть», вынужденную терпеть подобную неблагодарность, и понятно, почему даже ее ангельское терпение не могло не истощиться.

Год спустя. ЦК решает судьбу статьи Твардовского «По случаю юбилея», предназначенному для январской книжки журнала. 15 января 1965 г. заведующий отделом литературы и искусства ЦК КПСС Поликарпов и инструктор того же отдела Галанов подают по этому поводу партийному руководству специальную докладную записку, в которой, в частности, говорится: «... В статье содержатся неправильные положения, которые могут дезориентировать литературную общественность, направить развитие литературы по ошибочному пути. Прежде всего необходимо отметить, что тов. Твардовский снова и снова настойчиво утверждает, что повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» является выдающимся художественным произведением, без которого нельзя представить нынешний день литературы». Его заявление, быть «неуступчивым и принципиальным» в защите Солженицына, означает, что «Новый мир» считает по-прежнему актуальным и важным освещение в литературе тю-

ремно-лагерных тем, злоупотреблений властью в прошлом.» (Они, в ЦК, так уже не считают.) И вывод: «Считаем, что опубликование статьи в настоящем виде невозможно».

Товарищи Брежnev, Андропов, Демичев, Ильичев, Подгорный, Пономарев, Рудаков, Суслов, Титов, Шелепин, то есть полный состав секретариата ЦК во главе с генсеком, одобрили записку, четко выразив тем самым свое отношение и к Солженицыну, и к Твардовскому. Но новая власть еще избегает открывать свое политическое лицо. После целого месяца борьбы Твардовский таки добивается – ценой ряда цензурных изъятий – опубликования статьи с разделом о Солженицыне в ней. В ответ органам печати дается соответствующая команда. 5 апреля 1965 г. в правительстве «Известиях» появляется статья «Внесем ясность. Некоторые мысли по поводу одного юбилейного выступления», подписанная одним из столпов казенного искусства, скульптором Евгением Вучетичем, но воспроизводящая основные тезисы записки Поликарпова и Галанова.

«Смущает меня, – говорилось в статье, – лишь категоричность автора, когда он пишет о первом произведении А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», выдавая его за своеобразный эталон современной прозы. Думается, что Александр Твардовский здесь просто заблуждается, и время уже показало это...»

Опять-таки: демон все еще молчит, а начальство тем не менее все больше раздражается и устами Вучетича во всеусыпывание объявляет об этом. Все так и понимают: спущена установка. Но читатель уже не тот. В «Новый мир» хлынул поток писем в поддержку повести Солженицына и статьи Твардовского. Часть их редакция пытается опубликовать в номере 5-м, подборка запрещена.

Впрочем, я несколько забежал вперед. Еще за месяц до статьи в «Известиях» та же установка уже была оглашена. То, что она прозвучала «с высокой трибуны» II

съезда писателей Российской Федерации, да еще в речи одного из влиятельнейших тогда партийных олигархов, первого секретаря Московского горкома КПСС Егорычева, придало ей, разумеется, особый вес. Осуждая «произведения спорные», по поводу которых «допускаются неправильные высказывания», оператор продолжал: «Так было, например, при обсуждении спорной в идеином и художественном отношении книги Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Сначала были два взаимно исключающих, диаметрально противоположных мнения, в качестве мерил художественной ценности навязывались субъективные оценки и личные вкусы. Поэтому надо было продолжить дискуссию, надо было в ходе ее выработать объективную партийную оценку книги, но, к сожалению, затем это произведение, как известно, вообще было фактически поставлено вне критики».

Нужно ли добавлять, что после столь недвусмысленных указаний «объективная партийная оценка» произведений Солженицына и его самого не заставила долго ждать?

Тем временем идеологическая атмосфера в стране продолжает сгущаться. Все заметнее признаки нарастания реставраторских, сталинистских тенденций. В этих условиях опасения писателя за судьбу рукописи романа «В круге первом» выглядят не такими уж беспочвенными, а сейф редактора «Нового мира» не столь уж несокрушимым укрытием. Тем более что четырьмя годами раньше КГБ по доносу редактора «Знаний» Вадима Кожевникова уже залезало в этот сейф, чтобы арестовать второй том рукописи романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Конечно, у Твардовского отобрать рукопись «Круга» было потруднее, чем у Теуша, и, забирая ее вопреки уговорам Александра Трифоновича, автор совершил ошибку, о которой вскоре пожалел, но и сюда припутывать демона опять же не стоит.

Не хочу выходить за рамки 1963–1965 гг., но и многие другие утверждения Олега Давыдова того же сорта. Скажем, такой его пассаж, относящийся к письму Солженицына IV съезду писателей СССР (1967 г.): «Собственно, в письме не было сказано ничего особенного – даже по тем временным. Банальности о вреде цензуры постоянно обсуждались в обществе. Другое дело, что писем к съезду об этом никто не писал. Никому не приходило в голову, что на столь очевидных вещах можно сделать громкое имя.» Интересно, какой демон водил пером Олега Давыдова, когда он это писал? Демон зависти слабого духом к сильному? Демон оскорблена верноподданничества? Или просто демон невежества? Тот же самый, который чуть ранее толкнул его сообщить, что «на съезде... около ста писателей поддержали АИ». Логично: почему бы этим совкам и не поддержать такую банальность? Увы, Я просидел на этом съезде с первого дня до последнего, но ни в одном из выступлений не услыхал такого мотива. Трибуна Большого Кремлевского дворца была тогда плохо приспособлена для подобных речей.*

Зато статью о демоне Солженицына (с незначительной правкой) я легко могу себе представить и в тогдашних газетах.

* Уважаемый Юрий Буртн по-человечески цитирует кричащую статью. Всего лишь меня скобки на многоточие, получающие нелепицу о выступлениях писателей на съезде, каковую и опровергает. Но речь о другом. Вот слова самого Солженицына: «...когда я писал с та писателей поддержало меня, – 84 в коллективном письме съезду и человек пяtnадцать в личных письмах и телеграммах» («Бодался теленок с дубом», М., Согласие, 1996, стр. 166). Странно, что Юрий Григорьевич, присутствовавший на съезде, ничего не знает об этом. Странно и то, что он не замечает, что факты, приводимые им, когда они точны, не противоречат сказанному в статье «Демон Солженицына». Кстати, это словосочетание лишь перефразирует известное – «демон Сократа», да и по сути эти вещи близки. (Примечание Олега Давыдова.)